

Интервью Предстоятеля Русской Православной Церкви японским журналистам

4 сентября 2012 года, в преддверии Первосвятительского визита в Японию, в Патриаршей и Синодальной резиденции Данилова монастыря Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл ответил на вопросы корреспондентов крупнейших японских СМИ.

Телерадиокомпания NHK:

— В этом году исполняется 100 лет со дня кончины святого Николая Японского. Каковы цели визита Вашего Святейшества в Японию? Как Ваше Святейшество оценивает жизнь святого Николая Японского? Как Вы думаете, есть ли черты современности в его житии и в чем их смысл, если они есть? Между Россией и Японией, к сожалению, мирный договор пока не подписан. С другой стороны, Президент В.В. Путин имеет большие надежды на развитие русско-японских отношений. Ваше Святейшество, каковы, по Вашему мнению, перспективы русско-японских отношений?

— Сразу начну с конца и скажу, что я верю в то, что у нас очень хорошие перспективы двусторонних отношений. Мы соседи, мы живем рядом, мы многим связаны, и одна из связей — это Православная Церковь. 150 лет назад святитель Николай прибыл на Хоккайдо, и с этого началась его замечательная миссия, которая привела к созданию Японской Православной Церкви.

Я хотел бы особенно отметить, что в то время отношения между Японией и Россией были очень непростыми. На время служения архиепископа Николая выпали тяжелые годы русско-японской войны. Казалось, что хуже уже не бывает — две страны находились в состоянии войны. Воевали не на бумаге — стреляли друг в друга. Архиепископ Николай, живя в Японии, вошел в жизнь японского народа. Его никто не воспринимал как представителя враждебной державы. Он был реальным послом — не просто послом мира, а реальным послом, который проявлял уважение и любовь к японскому народу, несмотря на тяжелый, даже очень опасный политический контекст.

Это свидетельствует о том, что у религиозных связей между народами существует очень большой потенциал. Политики действуют с точки зрения политического прагматизма. Экономисты, бизнесмены руководствуются соображениями прибыли, выгоды. А вот связи на духовном и на культурном уровне касаются человеческих сердец. Эти связи осуществляются на уровне

человеческого сердца, и поэтому настоящее примирение между народами может быть обеспечено при активном участии религии.

Я придаю своему визиту большое значение. Во-первых, потому, что это даст мне возможность помолиться вместе с японским православным народом, вспомнить замечательного человека, святого, который всю свою жизнь посвятил Японии, который отождествил себя с японским народом, который принес японскому народу православную веру.

Кроме того, визит даст мне возможность посетить места, которые для нас в России связаны с жизнью архиепископа Николая. Мое путешествие начнется с Хакодате — я приеду на Хоккайдо и пройду путем архиепископа Николая.

Намереваюсь быть в Сендае — там, где японский народ принял на себя удар водной стихии. Вы знаете, что было разрушено несколько православных храмов. Сендай является центром Восточно-Японской епархии Православной Церкви в Японии, и я хотел бы еще раз выразить свою поддержку японскому народу, помолиться вместе с людьми, вспомнить о жертвах, поддержать тех, кто потерял родных и близких.

Полагаю, что у меня будут встречи с представителями властей на Хоккайдо и в Сендае, но также ожидаю встречи с Его Величеством Императором Японии. В 2000 году мой предшественник встречался с Императором Японии, и эта встреча вызвала весьма положительную реакцию во всем мире, особенно в России. Я хотел бы встретиться с этим замечательным человеком, который вносит такой большой вклад в установление дружественных отношений между народами.

— В России, так же, как и в Японии, по Конституции Церковь отделена от государства. В то же время очевидно, что Русская Православная Церковь оказывает большое влияние на политику Президента В.В. Путина. Церковь во времена Российской империи была государственной религией. Затем, во времена СССР, она испытывала гонения со стороны атеистического государства. Имея за плечами такую сложную историю, как в настоящее время Русская Православная Церковь определяет свои отношения с государством? В чем, по мнению Церкви, заключается политическая и общественная ответственность Церкви как самой большой религиозной общины России?

— История Русской Православной Церкви очень драматична. До революции, в имперское время, она была включена — помимо своей воли, практически силой — в государственный аппарат и стала его частью. Главой Церкви был император, и все решения, которые принимались от имени Церкви, на самом деле принимались государственной властью. Статус Церкви как государственной, при активном участии государства в управлении Церковью, нанес ей очень

большой вред. В каком-то смысле сам факт революции можно связать с тем, что в то время у Церкви не было возможности свободно обращаться к своему народу, в том числе говорить правду о политическом и экономическом положении, обращаться со словами примирения, поддержки — это было запрещено. От имени Церкви говорил царь.

После революции Церковь была практически уничтожена. Десятки тысяч священников, епископов, монахов, монахинь, сотни тысяч верующих людей были репрессированы, а затем большей частью расстреляны. Их вина заключалась только в одном — они не соответствовали тем идеологическим стандартам, которые были установлены государством. Они были идеологически враждебны режиму. Такого страдания не переживала ни одна религиозная община в мире — речь шла практически о геноциде, об уничтожении православных людей в России, в бывшем Советском Союзе.

Когда Россия, так же, как Украина, Беларусь, другие страны, стала свободным государством, мы поняли, что наступило то самое время, когда можно выстроить правильную модель отношений между Церковью и государством. Мы ясно понимали, что не должно быть ни сращивания Церкви с государством, ни огосударствления Церкви, потому что потеря Церковью свободы в принятии решений снижает возможность влияния на жизнь общества. Мы выработали основы взаимоотношений Церкви и государства, которые предполагают их автономию, взаимное невмешательство в дела друг друга. Мы как Церковь свободны говорить от своего лица вне зависимости от позиции государства. По многим вопросам мнения у нас совпадают, но есть и такие вопросы, где наши мнения совпадают не в полной мере, а иногда совсем не совпадают. Так, недавно я обратился с просьбой внести в законодательство целый ряд положений, касающихся защиты семьи, детства, связанных с абортами, и мои просьбы были услышаны не в полной мере. Поэтому, когда говорят о том, что Церковь в России очень тесно соединена с государством, то говорят неправду, этого не существует.

А что существует? Существует сотрудничество по целому ряду вопросов как на центральном, федеральном уровне, так и на уровне местном. Мы сотрудничаем в деле восстановления культурных памятников, в деле нравственного воспитания подрастающего поколения, мы сотрудничаем в области культуры. Сейчас особенно важно наше сотрудничество в социальной сфере. Мы взаимодействуем также в плане работы с молодежью, то есть в тех направлениях, которые Церковь считает возможным включить в сферу церковно-государственного сотрудничества.

Мы не ставим своей целью влиять на политику государственных деятелей. Но мы обращаемся к народу, в том числе к властям, с нашей проповедью. Мы несем нашему народу определенные ценности — в первую очередь, конечно, нравственные ценности; и мы настаиваем на том, что в

основе всякой политики должно быть нравственное начало. Политика без нравственного начала не приносит пользы ни тем, кто эту политику осуществляет, ни тем, по отношению к кому эта политика осуществляется. Поэтому, если говорить о влиянии Церкви на политическую жизнь, то это нравственное, но не политическое влияние.

В свое время, когда пал Советский Союз, нам активно предлагали войти в политику. Тогда наше общество искало альтернативу коммунистической партии, но альтернативы не было, потому что других партий не было. К Церкви обратились с просьбой войти в политику, направить своих представителей в парламент; больше того, даже предлагали выдвинуть своего кандидата на пост Президента. Мы отвергли все эти предложения, хотя нас за это нередко критиковали, утверждая, что в трудный момент истории мы бросили свой народ и не принимаем на себя политической ответственности. Но мы сказали, что не можем, исходя из своих убеждений, принять на себя политическую ответственность.

Церковь не является политической организацией. Но, с другой стороны, оказывая нравственное влияние на общественные и личные отношения, Церковь косвенно влияет и на политику. Думаю, она влияет и на социальную жизнь; в каком-то смысле она влияет на то, как нужно вести бизнес. Есть разработанные Церковью нравственные правила ведения бизнеса, которые мы активно пропагандируем, потому что считаем, что бизнес тоже должен основываться на нравственных принципах — в ходе ведения хозяйственной деятельности недопустимо умножать неправду, совершать преступления. Другими словами, Церковь имеет отношение ко всем сферам общественной жизни, но отношение не прагматическое. Она не ставит целью достичь каких-то привилегий, расширить свое влияние — она стремится нести людям слово христианской правды, основываясь на Евангелии. Вот это наша позиция.

Наши недоброжелатели нередко рассказывают сказки, причем сказки, которые усваиваются во всем мире, ведь штампы усваиваются очень просто. Но над штампами не нужно думать. Вам предлагают штамп — Церковь в России срослась с государством. Люди так и повторяют: «знаете, Церковь срослась с государством». Или: «Церковь влияет на Путина». Ну, значит, так оно и есть — Церковь влияет на Путина. Может быть, Церковь и влияет на личность с христианской точки зрения — не знаю, никогда не измерял степень этого влияния. Дай Бог, мы хотим влиять на всех — и на государственных деятелей, и на простых людей, чтобы нравственное начало, которое Церковь проповедует, усваивалось сознанием нашего народа.

— В постиндустриальном обществе вследствие информатизации развивается унификация общества. На базе Интернета распространяются социальные сети, граждане стремятся стать источником информации. С другой стороны, в глобальном информационном обществе Америка, используя свою силу в компьютерных

программах, старается расширить свое влияние на весь мир. Традиционные системы ценностей столкнулись с новым испытанием под названием «приход общества информатизации»; столкнулись с относительностью системы ценностей, когда стирается грань между добром и злом. Как Русская Православная Церковь собирается противостоять приходу постиндустриального информационного общества? В чем будут заключаться русские национальные ценности в обществе информатизации и смогут ли они сохраниться?

— Если говорить о том, что сегодня происходит в информационном пространстве, то следует отметить главную, может быть, опасность для человеческой личности, которая заключается в потере способности различать добро и зло. То, что сейчас происходит, не свалилось на нас в последние годы. Это подготовлено общественным развитием в течение, по крайней мере, 200-300 лет. Но в XX веке стало развиваться такое понятие, которое философы называли постмодерном. Постмодерн — это отказ от объективной истины. Постмодерн переносит ответственность на личность человека. Именно личность при таком подходе является началом и концом в выработке критерия различения добра и зла. Сам человек, и никто другой, определяет, что хорошо, а что плохо; у каждого свое понимание добра и зла. Нет объективного понятия добра, а значит, нет и объективного понятия о нравственности.

К чему же привел этот подход? Он привел к тому, что традиционные отношения, например в семье, разрушаются. Сегодня люди с легкостью относятся к разводам, это считается чем-то совершенно нормальным. Пропагандируются гомосексуальные отношения, которые ставятся на один уровень с традиционными семейными отношениями. Вообще понятие нравственной чистоты, нравственной порядочности утрачено. Особенно большой урон нанесла так называемая сексуальная революция 60-х годов — мы видим сейчас, к чему привела эта «революция» в сознании нового поколения.

Мы стоим перед трагедией разрушения нравственных основ существования общества. Общество сегодня объединяет людей, но только на основе закона. Один тип поведения разрешен законом, другой не разрешен. Но хорошо известно, что люди законов вообще не знают — они живут по совести, по своим убеждениям. Так вот, если по своим убеждениям человек живет так, что ему все позволено, что он сам определяет, что хорошо, а что плохо, то мы приходим к тому, что можно назвать атомизацией общества, — к очень высокому уровню отчуждения людей друг от друга. Нет общей платформы — нравственной платформы.

Приведу вам пример. Ваша страна, как и наша, проходила через войны. Когда нужно защищать Родину, что заставляет людей взять в руки оружие и идти, чтобы принести себя в жертву? Закон? Вовсе нет. Это нравственное чувство. Ты защищаешь свой дом, ты защищаешь свой народ, ты защищаешь своих близких. В экстремальных ситуациях нравственное состояние общества

является решающим.

Позвольте мне привести также в пример трагедию, связанную с цунами в Японии. Мы восхищаемся тем, как японский народ откликнулся на эту катастрофу, явив высокий уровень солидарности, взаимной поддержки. Ведь не законы определяли в тот момент поведение людей, а совесть: «так надо поступить!» То, с чем мы сегодня сталкиваемся в информационном пространстве, разрушает понятие совести, потому что у каждого своя совесть, каждый живет по своему разумению. Однако общество нежизнеспособно, если оно разрушает нравственную основу собственного бытия.

Поэтому мы не хотим уходить и не уйдем из информационного пространства. Мы сознаем, что мы там в меньшинстве, что мы слабая часть этого информационного пространства, что у нас нет таких денег, как у тех, кто предлагает иной образ мысли и иной образ жизни. Но мы глубоко убеждены в том, что Церковь должна настаивать на необходимости иметь абсолютный критерий различения добра и зла, проистекающий из нравственной традиции.

В конце концов, тема нравственности невозможна, на мой взгляд, без темы Бога, и вот почему. Нас убеждают в том, что нравственность является производной от эволюции человека, от развития человеческого общества. Тогда почему убийство является преступлением и в Японии, и в России, и в Африке? Почему обман является преступлением везде? Почему ложь является преступлением вне зависимости от того, в каком историческом и культурном контексте человек живет? Все это является преступлением, потому что все эти грехи противоречат нравственной природе человека. Значит, существует некий абсолютный критерий нравственности, который работает везде — в каждом народе и в каждую эпоху.

Так вот, сегодня задача Церкви и не только Церкви — задача культуры, задача всех людей, которые осознают опасность происходящего, — содействовать сохранению абсолютных критериев различения добра и зла, а значит, сохранению нравственного начала в жизни людей.

Я не вижу более важной задачи. Я не могу сравнить эту задачу ни с какой другой — ни с политикой, ни с экономикой, ни с научными открытиями. От того, как мы ответим на этот вопрос, зависит, будет существовать человечество или нет. Потому что если зло будет восприниматься как добро, то зло разрушит и человеческую личность, и человеческое общество, и человеческую цивилизацию. Сегодня, соприкасаясь с современным информационным пространством, мы видим эти опасности. Глубоко убежден: настало время, когда мы должны усиливать взаимодействие тех, кто сознает наличие таких опасностей и готов бороться за жизнь человеческой семьи. Все свои поездки за границу, как и поездки по России, я связываю с надеждой найти таких людей. А найти их очень легко, потому что их большинство. Везде — и в Японии, и в России, и в Африке, и в

Америке — их большинство, потому что если бы большинство людей утратили совесть и нравственное начало, мира бы уже не существовало. Поэтому я выступаю за солидарность всех тех, кто понимает важность сохранения нравственного начала в жизни человеческого общества.

Информационное агентство «Киодо Цусин»:

— Ваша поездка в город Сендай, пострадавший во время прошлогоднего Великого Восточно-Японского землетрясения, запланирована как очень важное мероприятие. Однако нам хотелось бы узнать, каким будет послыл, месседж Святейшего Патриарха Московского и всея Руси не только жителям префектуры Мияги, но и всем пострадавшим от землетрясения японцам.

— Эта трагедия, на мой взгляд, удивительным образом затронула русских людей. Многие восприняли ее как свою собственную, хотя люди страдали за тысячи километров. Тогда мы в нашей Церкви решили собирать средства, чтобы помочь пострадавшим. Причем мы не захотели обращаться к промышленным корпорациям или банкам, а решили обратиться к самым простым людям, многие из которых имеют очень невысокий жизненный уровень, и попросить их отдать что-то от себя — то, что они могут, и передать нашим японским братьям и сестрам.

Мы собрали сумму в полтора миллиона американских долларов. Может быть, не очень большая сумма, но это, как мы говорим, лепта вдовицы. Есть такой образ в Евангелии — когда женщина пожертвовала Богу самую малость, но это было почти все, что она имела. Конечно, наши люди не пожертвовали все, что имели, но они от своего небольшого достатка передали в Японию то, что могли отдать. А когда один человек делает добро другому, это отражается на состоянии души и соединяет людей. Попробуйте сделать добро другому человеку — этот человек уже не уходит из вашей памяти. Вы сделали ему добро, а не он вам, но он не уходит из вашей памяти, он становится вам близким. Поэтому эта акция, несомненно, сблизила русских людей, россиян с японцами, и через соучастие в страдании японского народа мы стали ближе друг к другу.

Сразу же, как только это произошло, я обратил призыв к нашим людям, одновременно выражая свои соболезнования японскому народу. Наблюдая за тем, как вы боролись со стихией, многие в России убедились в том, что японский народ умеет встречать беду солидарно, оказывая взаимную поддержку, очень дисциплинированно, и это было хорошим примером для очень многих в мире.

Поэтому образ Японии, нравственный образ народа через это страдание стал явственно зримым для многих-многих людей, живущих на нашей планете, в том числе для россиян, о чем я могу свидетельствовать с полным убеждением.

— Недавний визит Святейшего Патриарха Московского и всея Руси в Польшу называют еще одним шагом к примирению Православия и католицизма. В чем будет состоять значение примирения Православия и католицизма для всего религиозного мира?

— То, что произошло в Польше, имеет, конечно, отношение к контактам между православными и католиками, но в первую очередь это совместное послание Православной и Католической Церквей адресовано народам Польши и России. Вы, наверное, знаете, что в Европе нет двух других народов, на современное состояние отношений между которыми так сильно влияло бы прошлое. То, что происходило в истории между Россией и Польшей, а происходило много тяжелого, до сих пор влияет на состояние людей, на их сознание и отношение друг к другу. Причем каждая из сторон пытается подвести некое сальдо и сказать, что в общем остаток в нашу пользу: «мы больше пострадали от соседа, мы были более справедливыми, чем сосед». Это делают как в Польше, так и в России. Поскольку прошлое так сильно влияло и влияет на сознание наших современников, возникла мысль, что кто-то должен сделать первый шаг к подлинному примирению, а если сделать этот шаг навстречу друг другу сообща, то будет еще лучше.

Мы договорились с представителями Католической Церкви, что попытаемся сделать такой шаг, попытаемся сказать друг другу «прости». Это очень непросто. Если люди убеждены, что за ними историческая правда, то сказать друг другу «прости» очень трудно. По крайней мере, никто из политиков, никто из бизнес-сообщества, никто из культурного сообщества пока не смог предпринять шагов, чтобы дать людям возможность простить друг друга.

Две наши Церкви — Католическая Церковь Польши и Русская Православная Церковь — вступили в диалог три года назад. Три года мы готовили документ. Это была трудная работа, но вместе с тем очень благородная, которая создавала очень хорошую атмосферу. Мы написали текст, суть которого в следующем: пусть историки занимаются историей, но раны прошлого не должны кровоточить сегодня. Мы должны строить новые отношения на том основании, что мы просим друг у друга прощение и мы прощаем друг друга. И, наверное, этот призыв к примирению никто, кроме Церквей, обратить не мог, потому что и Католическая Церковь Польши является Церковью большинства, и Русская Православная Церковь является Церковью большинства. В первую очередь это послание имеет отношение к будущему наших народов. Мы очень хотели бы, чтобы на основании этого послания о примирении изменились бы политические, экономические, культурные отношения, чтобы началась новая эпоха в отношениях между двумя странами-соседями и двумя народами, в течение тысячелетия живущими рядом друг с другом.

Что же касается отношений с Католической Церковью, то мы имеем сегодня много общего в наших позициях, в том числе по вопросам, которые сегодня беспокоят людей, — таким, как семья, брак, рождение детей, биоэтика, защита христианских ценностей в Европе. К сожалению, христиане

становятся гонимым, притесняемым меньшинством. Появилось такое понятие, как христианофобия. Религиозную жизнь христиан вытесняют из общественной жизни. Это происходит в Европе, это происходит в других странах, и сегодня мы вместе отстаиваем необходимость сохранения христианских ценностей в жизни европейского, и не только европейского, общества, а также в современной культуре. У нас есть много общего, и это общее мы развиваем через диалог. Я не исключаю возможности встречи в какой-то момент и с Папой Римским, но мы должны еще пройти путь для того, чтобы эта встреча стала возможной.

Общенациональная газета «Иомиури»:

— Ваше Святейшество, разрешите, пожалуйста, такой вопрос. Активно развиваясь экономически и усиливаясь политически, Россия расширяет свое влияние в мире, увеличивает свое культурное значение. Какую роль играет Русская Православная Церковь в этом процессе? Насколько активно происходит ее взаимодействие с Православными Церквями других стран, например, Греческой и Сербской? Оказывает ли она помощь в реставрации храмов, восстановлении святынь в этих странах?

— Русская Церковь включает в себя верующих православных людей, которые живут в Российской Федерации, Украине, Белоруссии, Молдове, Прибалтике — Эстонии, Латвии, Литве, в Казахстане и в среднеазиатских республиках бывшего Советского Союза. Кроме того, у нас очень большая диаспора — разные цифры называют, но это несколько миллионов человек, которые живут во всем мире. Для всех этих людей мы несем свое пастырское служение.

Если говорить о диаспоре, то мы сейчас строим храмы, открываем школы, участвуем совместно с государством в культурной работе, помогая людям изучать русский язык. Во многих местах мы помогаем нашим людям интегрироваться в то общество, в котором они живут. Причем наш подход заключается в следующем: мы против ассимиляции, мы против того, чтобы русские люди, живущие в Америке, Германии или еще где-то, переставали быть русскими людьми. Мы за то, чтобы они оставались русскими, носителями русского языка, православными людьми. Но мы также за то, чтобы они умели работать и жить в этих новых обществах, чтобы они знали законы и были готовы их соблюдать, чтобы они находили работу и работали по своим специальностям. Нередко врач за рубежом не может работать врачом, многие другие специалисты тоже, к сожалению, не воспринимаются местным обществом как достаточно квалифицированные. Другими словами, мы стараемся заботиться о жизни наших людей в диаспоре.

Мы не связываем напрямую всю эту работу с усилением роли и значения Российской Федерации в международных отношениях, потому что опять-таки наша работа не является политической. Мы занимаемся человеческими душами, человеческим сознанием, культурой. Мы делали это даже в

трудное время, когда жили в Советском Союзе; делаем это и сейчас, в условиях свободы, — может быть, более эффективно и в бОльших масштабах.

Что же касается взаимоотношений с другими Православными Церквями, то и это было всегда. Даже во время Второй мировой войны мы поддерживали отношения с православными на Востоке, а сразу после ее окончания Патриарх Алексий I, мой предшественник, посетил с визитом ближневосточные Патриархаты. В течение всего времени, включая советский период, мы активно взаимодействовали с Поместными Православными Церквями и продолжаем эту работу сейчас. А когда где-то беда, стараемся прийти на помощь.

Сейчас очень страдает Сербская Церковь, особенно в Косово, — от разрушения христианских памятников, церквей, монастырей. Сербы живут там во враждебном окружении, нередко рискуя своей жизнью. Поэтому мы стремимся поддержать их, собираем средства для восстановления памятников, для строительства семинарии в Косово, на целый ряд социальных проектов — например, проект, который называется «Народная кухня», с тем, чтобы кормить людей, которые в этом нуждаются. Мы будем и дальше это делать, потому что солидарны с православными людьми, которые переживают трудности, даже если они живут далеко от России.

То же самое я хотел бы сегодня сказать о Греции. Греция — европейская страна, бывшая до недавнего времени благополучной, но сейчас она переживает тяжелейший кризис. Несмотря на то, что в Греции есть люди богатые, люди среднего достатка, очень многие там стали нищими. Греческая Православная Церковь кормит таких нищих, бездомных людей, которые потеряли всё. Мы собираем средства, чтобы поддержать Греческую Церковь в оказании помощи обездоленным.

— В последнее время в средствах массовой информации часто говорят о клерикализации государства. Как Вы относитесь к подобным высказываниям? На Ваш взгляд, насколько глубоким должно быть взаимное влияние Церкви и государственной власти в России?

—Я уже высказался на эту тему, говоря о «сращивании», но хотел бы добавить, что клерикализация российского общества — это миф, которой не имеет под собой ни одного факта. Нет фактов. Если вы читаете в российской прессе о «клерикализации» или о «сращивании», вам никто никогда не приведет пример этого сращивания и этой клерикализации. Клерикализация в прямом смысле слова — это политическое влияние духовенства на ситуацию в стране, это власть духовенства. Нет таких примеров политического влияния Патриарха, епископов или духовенства на власть.

Но вот что есть. Православная Церковь за последние двадцать лет была достаточно успешна в

своей миссии. Ведь мы начали с того, что большинство людей вышли из атеизма в Советском Союзе, они не верили в Бога. Процент верующих был очень невысок. За эти двадцать лет ситуация коренным образом изменилась. Сегодня принимают крещение до 80 % населения России, 65 % заявляют о своей связи с Церковью, больше 40 % посещают храм по крайней мере один или два раза в год. Повысилось количество верующих, которые посещают храм каждую неделю. Вместо пожилых людей, которые были в подавляющем большинстве еще 15-20 лет назад, у нас сегодня много молодежи, людей среднего возраста. А среди них — и представители власти, и министры, и генералы, и люди других важных профессий. И я задаю вопрос: разве это плохо? Они стали православными, они вернулись к вере своих отцов. И если министр или даже президент, премьер-министр приходит в храм как православный верующий, разве это свидетельствует о клерикализации? Это свидетельствует о том, что это верующий человек. Если у духовенства есть возможность обсуждать с такими людьми какие-то жизненные проблемы, оставаясь при этом на своих позициях, разве это пример клерикализации?

Иногда, пытаясь привести пример клерикализации, нам говорят: «вы приходите в армию и встречаетесь там с военнослужащими». Но это происходит во многих странах мира. В Соединенных Штатах священники участвуют в военных действиях — но не с оружием в руках, а вдохновляя свою армию. Сегодня капелланы служат в Афганистане, в других странах, в самих Соединенных Штатах. То же самое — в странах Европы. А в Русской Церкви, в российской армии капелланов до сих пор нет. Мы никак не можем сдвинуть с места этот вопрос, а нас обвиняют в том, что мы занимаемся клерикализацией.

Так и по всем другим вопросам. Происходит подмена понятий: есть успехи миссии Русской Православной Церкви, которым общество должно было бы аплодировать, говоря: «вы действительно сделали невероятное за эти двадцать лет», а вместо этого нас обвиняют в клерикализации. Речь идет не о клерикализации, а об усилении духовного влияния на жизнь нашего народа и общества. Так ведь это же наша задача! Мы обязаны ее выполнять, и мы будем ее выполнять. И я очень прошу вас развеять этот миф, по крайней мере, в Японии.

Пресс-служба Патриарха Московского и всея Руси/ Служба коммуникации ОВЦС

Источник: <https://mospat.ru/ru/news/53745/>